

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

Т. В. Рождественская

**ДЕРЕВЯННЫЕ КРЕСТЫ – ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ РУССКОГО
СЕВЕРО-ЗАПАДА XVII–XVIII в.**

(В. Б. Панченко. Деревянные поклонные кресты Поволховья.
СПб.: Каламос, 2016. – 64 с., цв. ил.)

Обычай ставить обетные кресты широко известен в славянской народной православной традиции. При этом в каждом регионе славянского мира этот обычай имеет свои локальные особенности, связанные и с местом поставления таких крестов, и с местными культурами, и со спецификой ландшафта (см.: [Белова]). Предметом собирания и изучения В. Б. Панченко стали деревянные кресты XVII–XVIII в. отдельного региона Северо-Запада России – Нижнего Поволховья, округа Старой Ладogi. В книге впервые собран уникальный материал из фондов Российского этнографического музея, Староладожского музея-заповедника, Научного архива ИИМК РАН, и на его основе составлен каталог, включающий 31 обетный крест. Перед нами первая публикация малоизученных памятников, из которых дошли до настоящего времени только три (один XVII в. и два XVIII в.), сохранившиеся в фондах Староладожского музея-заповедника. Об остальных крестах известно по описаниям, публикациям, фотографиям XIX – начала XX в. Автор проделал большую и кропотливую работу по разысканию этих материалов, отразив этапы своих исследований, в том числе полевых, в ряде публикаций [Панченко, 2012; Панченко, 2014; Панченко, 2015]. Обобщением их и стала рецензируемая книга – каталог, предваряемый развернутым историко-культурным комментарием. Автор прослеживает историю изучения этих памятников от первого упоминания о них исследователей XIX – начала XX в. П. И. Кеплена, разысканий археолога Н. И. Репникова, историка староладожской крепости Н. Е. Бранденбурга. Лишь в 1990-е годы возродился научный интерес к этим своеобразным памятникам русской церковно-бытовой культуры, в том числе благодаря многолетним полевым и архивным разысканиям В. Б. Панченко, почти ежегодно проводящей обследования Ленинградской, Псковской, Новгородской областей. Автор рассматривает собранные в каталог обетные кресты в историко-культурном и этнолокальном контекстах, что позволяет читателю понять место и роль обетных крестов в системе так называемого «народного православия» на Северо-Западе России. В книге освещаются появление и развитие традиции ставить деревянные кресты в округе Старой Ладogi, претерпевшей и пожары, и шведское вторжение начала XVII в., в результате которых многое было утрачено безвозвратно, да и последующая история XX в. не способствовала сохранению этих культовых памятников. Основная масса описываемых крестов

относится к XVII в., из которых самая многочисленная группа датируется 1671–1690 г., а самый ранний из известных — это крест из деревни Неважа, созданный в 1626 г.

Собранные автором архивные материалы, полевые записи раскрывают особенности почитания крестов в Поволховье, их ритуального контекста, свидетельствуют о том, какие деревенские праздники отмечались у обетных крестов. И это — важное наблюдение, поскольку данный факт, как отмечает В. Б. Панченко, фиксируется исследователями уже только в этнографическое время, с конца XIX в., то есть через 200–250 лет после установки крестов.

По наблюдению автора, наиболее популярны были посвящения свв. Илье, Николе, Флору и Лавру, Власию. Часто кресты ставились в часовнях или под навесом, имитирующим часовню, к ним «приносили вотивы — полотенца, деревянное масло» (С. 18). Надписи на крестах сохранили имена тех, памяти кому и кем они поставлены. Формула «на поклонение православным христианам» присутствует на 21 кресте из 31 и сохранялась во все время существования традиции. Среди инициаторов поставления креста названы: Стефан Пахомов (крест из д. Неважи, 1663 г., кат. 2), Матвей с «братиею» и Савастьян «межумоские» (крест из д. Межумошье, 1677 г., кат. 9), Димитрий и Деонисий, Филипповы дети Сакульцевы и дети их (крест из д. Березье, 1680 г., кат. 10), Симеон и Макарий и Лев, (...я)новые дети «гутовские» (крест из д. Гутово, 1684 г., кат. 11), (*Потанпий* с детьми? — Т. Р.), Василий с детьми, Тимофей с братом, Леонтий, Матвей, Иван с детьми, Иван с братом, Леонтий с детьми (крест из д. Вындин Остров, 1685 г., кат. 12), братья Иоанн и Леонтий, Павловы дети, Елисей и Захарий (крест из д. Княщина, 1684–1690 г., кат. 13), священноиереи Павел и Тимофей Яковлевы, диакон Ефремов, Марк Анисимов, Максим и Никита Ребиковы, Андрей и Феодот, Фома Григорьев, Матвей, Симеон и Петр Лукьяновы, Феодор (крест из с. Петропавловское, 1688 г., кат. 14), Василий Симанович и сын его Михаил Васильевич Желтухины (крест из урочища Абрамовщины, 1688 г., кат. 15), Кондрат и Феодот с братом, Антип, Мартин, Василий, Константин, Тарасий «перевешские» (крест из д. Перевеша, 1690 г., кат. 16), ладожанин «посадский человек» Артемий Григорьев сын Сяский, по-видимому, родом из одной из деревень по реке Сясь (крест из с. Старая Ладога, 1711 г., кат. 20), ладожанин «посадский человек» Петр Григорьев сын, возможно, брат Артемия (крест из д. Бережные Лопатицы, 1724 г., кат. 21), ладожанин «посадский человек» Григорий Феодоров сын Курнищев (крест из с. Старая Ладога, 1728 г., кат. 22). Как видим, «повеление» поставить кресты могло исходить от людей разных социальных слоев — от крестьян, от посадских людей, от духовных лиц. Пять крестов — в селах Гостинополье, Петропавловское, Березье, Ахматова Гора, Дубовики — были поставлены («построены», как сказано в надписях на этих крестах) монахом Гостинопольского монастыря строителем Иосифом Шавровым в 1750, 1752 и 1754 г. В. Б. Панченко отмечает нововведения Иосифа Шаврова — написание полного текста «Похвалы Кресту», который ранее на крестах присутствовал в виде криптограмм, отмена посвящения праздникам и обозначение даты установки креста арабскими цифрами.

Судя по именам инициаторов постановки крестов, их часто ставили семьями — с братьями, детьми, племянниками, с односельчанами. Обычно в надписях употребляется глагол *поставлен*, однако монах-строитель Иосиф Шавров предпочитает глагол *построен*. Кресты ставили «на поклонение» всем православным христианам, святым или церковным праздникам. В. Б. Панченко прослеживает динамику в оформлении крестов, в причинах их установления в начале XVIII в. по сравнению с предыдущим периодом. По ее наблюдению, в это время увеличивается число крестов в память о разрушенных церквях или упраздненных церковных приделах, и автор связывает это с церковными реформами Петровского времени.

Специальный раздел книги посвящен формам, изображениям и текстам, вырезанным на крестах. В. Б. Панченко выявляет основную структуру оформления крестов, набор

криптограмм, которые могут варьироваться, и дает их расшифровку, что, несомненно, будет полезно исследователям надписей не только на деревянных, но и на крестах из металла, каменных и выбитых на камнях, да и надписей на изображении крестов на иконах, шитье, на других материалах.

Хочется отметить особую ценность книги В. Б. Панченко для изучения русской эпитафии на рубеже Средневековья и Нового времени. Тогда как в последнее десятилетие изучение эпитафии домонгольской Руси и Московской Руси активно и плодотворно развивается, более поздний пласт эпитафических источников, за исключением надписей на каменных надгробиях и валунных камнях [Авдеев, 2005; Авдеев, 2006; Авдеев, 2008; Авдеев, 2015; Авдеев, 2016], почти не привлекал внимание исследователей. Ценность для палеографии и эпитафии изданного каталога состоит не только во введении в научный оборот новых материалов, но и в том, что надписи и криптограммы на них точно датированы. Благодаря прекрасному полиграфическому изданию фотографий книга может стать важным пособием по старорусской эпитафии, в частности письму по дереву, по изучению церковнославянской письменной традиции и динамики грамматических норм. В связи с этим хочется пожелать, чтобы при переиздании каталога, необходимость в котором, безусловно, есть, помимо современного текста, воспроизводящего надписи на крестах, были бы включены и церковнославянские оригиналы с сохранением всех сокращений, титл и лигатур. Такое воспроизведение послужит филологическому исследованию надписей на крестах и скорректирует несколько случаев разнобоя форм и окончаний слов при переводе их в современную орфографию. Так, например, ц.-сл. *рабѣ* в формуле *повелениемъ рабѣ Божиихъ* в одних случаях передано автором как *рабов* (Род. падеж мн. числа м. р. (кат. 9, 11, 12) в соответствии с современной нормой, в других – в тексте на кресте 1688 г. из д. Межумошье (кат. 9) и на кресте из д. Березье (кат. 10) сохранена ц.-сл. форма *раб(ѣ)*. Необычным, на первый взгляд, представляется фамилия/отчество *диакана* (так!) *Еоримова* (крест из с. Петропавловское, 1688 г., кат. 14). Выскажем предположение, что вторая буква не *о*, как передано в издании, а скорее *ѳита* (*ѳ*) с еле заметной на фотографии перекадиной, в таком случае перед нами отчество *Еѳремов* с северорусским диалектным смещением *е/и*. Вместе с тем, по сведениям А. А. Селина, любезно сообщенным мне автором книги, в источниках начала XVII в., относящихся к округе Ладоги, известна фамилия *Ярымовы*, которая может быть как-то связана с формой *Еоримов* в надписи, однако это не объясняет нехарактерного для русского языка сочетания *ѳо* в начале слова, что подтверждалось бы исчезновением гласного *о* в предполагаемой форме *Еримов*.

В надписи на кресте 1752 г. из с. Березье слово *ангелы* написано под титлом *аѳглы*, но в тексте каталога оно передано без титла как *аггелы*. Однако в современных церковных текстах слово *аггел* (без титла) обозначает, как известно, падшего ангела, демона, поэтому в современной орфографии слово *аггелъ* под титлом следует писать как *ангел*.

Церковнославянские тексты на крестах содержат также интересный материал о характере церковнославянских языковых форм этого времени. В ряде личных имен, упоминаемых в этих надписях, встречаются формы, отражающие народное произношение: Параскева, Деонисий, Еѳримов (Еѳремов). Отмечу также наличие в устойчивых церковнославянских формулах характерных для этого времени вариантов окончания Род. падежа ед. числа м. р. *-аго* и *-ого* в пределах одного краткого текста, форму *диакана* («диакана Еѳримова», кат. 14).

В цели В. Б. Панченко не входило рассмотрение специфики надписей на церковнославянском языке, это может стать особой задачей для лингвистов, палеографов, эпитафистов, если в переиздании каталога будет включено и воспроизведение церковнославянских текстов на крестах. Немалый интерес представляют эти надписи и для старорусской палеографии: в них сочетаются

элементы вязи, своеобразие и многочисленность лигатур, имеющие аналоги в рукописном письме того же времени, с мастерством резчиков по дереву. Мастерство это сказывается не только в превращении текста в своеобразный декоративный узор, но и в композиции надписей, криптограмм, их соотносительности друг с другом на узком пространстве столба и перекладин креста. Деревянные обетные кресты Нижнего Поволжья, как показала В. Б. Панченко, являются не только хорошо датированными историко-культурными памятниками, но и памятниками церковного декоративно-прикладного искусства, памятниками церковнославянского письма и языка.

Книга прекрасно оформлена, снабжена фотографиями общего вида округа Старой Ладogi на берегах Волхова и картой с указанием мест нахождения обетных крестов, включенных в каталог. Остается надеяться, что книга В. Б. Панченко заинтересует не только историков русского Северо-Запада, археологов, этнографов, сотрудников музеев, историков церкви, но и филологов — палеографов и эпиграфистов, а фонд русских эпиграфических памятников пополнится еще одним, пусть и невеликим по объему, но не менее значимым и многоаспектным типом письменных источников XVII — начала XVIII в.

Литература

- Авдеев А. Г. Из истории древнерусской эпиграфики и ставрографии. 1. Трактат преподобного Максима Грека «Сказание о венце Спасове...» и приписанный ему старообрядческий ставрографический трактат. 2. К истории становления ставрографии в России: начальный этап споров о «пилатовом титле» // Ставрографический сборник. М., 2005. Кн. III: Крест как личная святыня. С. 276–294.
- Авдеев А. Г. Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.
- Авдеев А. Г. Эпиграфические памятники конца XV — XVI в. Возмищского монастыря «Пречистой Богородицы честнаго Ея Рождества и святого преподобнаго отца нашего Кирила Чюдотворца» // Преподобный Иосиф Волоцкий и его обитель. Мат-лы научно-практической конференции, посвященной 5-летию обретения Святых мощей Преподобного Иосифа, 520-летию освящения первого монастырского каменного храма — Успенского собора — и 80-летию со дня рождения Митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. М., 2008. С. 329–336.
- Авдеев А. Г. Валунные надгробия Верхневолжья (Конец XV — вторая треть XVIII в.): Вопросы генезиса, бытования и источниковедения. М., 2015.
- Авдеев А. Г. К вопросу об изображениях Голгофского креста в строительной эпиграфике Московской Руси // Средневековая письменность и книжность XVI–XVII вв. Источниковедение. Сб. мат-лов межд. научно-практической конференции, 7–8 декабря 2015 г., Александров. Владимир, 2016. Т. 1. С. 276–294.
- Белова О. В. Крест // Славянские древности. Этнолингвистический словарь под общей редакцией Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 651–658.
- Панченко В. Б. «Праздновать праздники святому пророку Божию Или и святителю Христову Николаю Чудотворцу»: одна исчезнувшая традиция // Музей. Традиции. Этничность. СПб., 2012. № 2. С. 21–36.
- Панченко В. Б. Памятники неизвестной кресторезной мастерской XVII–XVIII вв. — обетные кресты из Староладожского музея // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. По мат-лам XVII чтений памяти Анны Мачинской и XVIII чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских. Старая Ладога, 2014. С. 354–367.
- Панченко В. Б. Деревянные обетные кресты Поволжья XVII–XVIII вв. // Рябининские чтения — 2015. Мат-лы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Музей-заповедник «Кижы». Петрозаводск, 2015. С. 209–212.